

раторский. Единственная причина, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, это пресечение династии.

Другой пример. 1611 год, Смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ - Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские.

Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу - враг моего врага мой друг - казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы первой мировой войны по возможности на немцев - слишком натерпелись от англичан.

1. Махнач В., Империи в мировой истории, <http://www.rus.ru:8082/antalog/inoe/mahn2.htm>

2. Малер А., Теория империи, <http://www.imperiya.ru>

3. Вернадский Г.В., Монголы и Русь.

Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и отправляются освобождать Москву. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы».

Как мы выяснили, византийское направление не имеет перспективы, по крайней мере, в нынешнем виде. Единственно, чем оно может заинтересовать исследователей империологии - это наличие имперской идеи православия, наделенной уникальной эсхатологической миссией, исполнению которой посвящена вся жизнь имперской нации и всей соответствующей цивилизации. Перефразируя замечательного ученого и евразийца Л.Н. Гумилёва, говорившего, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава», можно сказать: если человечество ещё получит шанс на спасение, то этим шансом будет Евразийская империя - империя, сохраняющаяся в глубинах русского мира.

4. Махнач В., Империи в мировой истории, <http://www.rus.ru:8082/antalog/inoe/mahn2.htm>

5. Там же.

Е.А.Вахнина

Н.Н. Страхов о вере и нравственной жизни

Strahov is one of thinkers who possesses conservative views. Most of his works are devoted to spiritual values such as faith, liberty, justice and so on. According his opinion only faith helps to preserve man's originality, creative abilities, spiritual basement which will be able to help descendants to develop their inner world and spiritual life and live in harmony with each other.

Сегодня актуальной является идея о необходимости возрождения и внедрения в массовое сознание мировоззрения, которое бы основывалось на российских традициях с их преобладанием духовного над материальным, культом скромности, взаимопомощи, веры, благочестия. Приходит осознание того, что нам, отечеству нашему, не подходят заимствования извне, насаждение чуждых норм жизни, ценностей. Технологическое влияние Запада, не подрывающее самобытных основ русской культуры, - неизбежно и полезно, особенно принимая во внимание процессы глобализации. Однако следует искать свой, отличный от западного, путь, учитывая при этом неподражаемую ментальность

русского народа. Россия должна войти в новую систему нравственных координат, где весомую роль будут играть некогда забытые, теперь пробудившиеся, духовные начала, мораль, идеалы единства - все то, что издавна составляло суть русской консервативной идеи.

Н.Н. Страхов (1828-1896) - один из мыслителей, который в полной мере разделял и придерживался консервативных взглядов. Его неординарную личность уместно соотносить с идеалом православно мыслящего человека, с «царем в голове», с той глубинной внутренней религиозностью и с тем духовным капиталом философской культуры, истоки которой кроются в воспитании и образовании (родители и предки

мыслителя принадлежали к духовному сословию). Ознакомившись с творчеством Страхова, такими работами, как «Борьба с Западом», «Мир как целое», статьями в журнале «Время» и т.д., можно утверждать, что он являлся одним из столпов и стражей русского национального самосознания в период становления почвенно-русского национализма. Философ, прежде всего, - «выразитель народного духа», заключающего в себе «ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят все проявления человеческой души». Вот единственно истинный, по мнению Страхова, смысл веры в Россию - это вера в духовную реальность, которая глубже всех своих проявлений, не вмещается ни в какие «факты» и «формулы». Кто лишен этой веры, тот оторван от настоящего источника понимания России, лишен способности верно судить о России и русском народе. Философ-почвенник, он обладал твердою верою в духовную и культурную будущность русского народа. Он уповает на «соборное единение с народом, на сближение с «почвой», на сохранение этой культурно-исторической среды, разрыв с которой равносителен утрате самого себя» [1, 26]. Что есть «почва» для Страхова? Она не «девственна, первобытна и наивна в своих воззрениях» [2, 22], как полагали некоторые современники философа. Русский народ, по его мнению, обладал гораздо большей значимостью: «Под именем почвы разумеются те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключается зародыши всех его органических проявлений. Какое бы явление ни представляла история, современная или будущая жизнь народа, будет ли это песня, сказка, обычай, частная или гражданская форма, все это признается законным, имеющим действительный смысл - настолько, насколько органически связано с народной сущностью. А это не так просто решить. Самые, по-видимому, ненормальные и уродливые формы народной жизни могут быть органическими; и наоборот, самые, по-видимому, правильные и стройные явления могут оказаться нечуждыми механических примесей и инородных элементов. Таким образом, вместо того, чтобы судить народ по какой-нибудь нашей мерке, нужно стараться везде открыть его собственную мерку, ту единственную и нормальную мерку, которая определяется самой сущностью каждого народного явления. Это значит - нужно понять народ» [6, 113-115]. Только соприкосновение личности с «народной правдой» даст ей возможность сберечь и собственную оригинальность, и способность к творчеству, создав своего рода капитал духа, на который впоследствии смогут опереться потомки.

Каким образом можно сблизиться с народом, сохранить искру святого русского духа в неумолимом пламени времени и оставить после себя, дабы они, обрета духовное наследство, сохранили и преумножали его? Консерватор убежден в том, что только вера способна дать ответы на все вышеозначенные вопросы. Состояние веры - это состояние жизни, вдохновения, источник любого творчества, всякого созидания. В случае утраты веры люди теряют возможность развиваться в соответствии с действительной природой, в гармонии с внутренним «Я» и Богом. Первым актом стремления к культуре чувства веры является «скромное обращение туда, где Богу угодно было самому показать себя, т.е. в православную Церковь, к пастырям, которым вверено научение» [3, 13]. Сила внутреннего предания в Церкви - это сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений. Замечательная особенность православной веры заключается в том, что она, с одной стороны, консервативна и традиционна более, чем католическая и протестантская, но, с другой стороны, в глубине православия есть всегда великое ожидание религиозной новизны в мире. Церковь, по Страхову, есть благодатное единство любви и свободы. Православию чужда авторитарность, потому что эта форма порождает разрыв между религиозным коллективом и религиозной личностью, между Церковью и ее членом. Без свободы совести, свободы духа нет духовной жизни, нет даже представления о Церкви, так как Церковь не терпит внутри себя рабов, и Богу нужны лишь свободные. Но подлинная свобода религиозной совести, свобода духа, считает философ, раскрывается не в изолированной, автономной личности, самоутверждающейся в индивидуализме, а в личности, сознающей себя неотделимой и необходимой частью в единстве духовного организма, в Теле Христовом, то есть в Церкви. Итак, в Церкви Страхов видит олицетворение свободы и истины, которую возвещают пастыри, но принять её могут лишь истинно желающие, поскольку для познания религиозной свободы и истины нужно внутреннее, самостоятельное пробуждение веры. Инструментом, в соприкосновении с которым человеческая душа способна пробудиться, явиться олицетворением красоты чувств и полноты жизни, можно назвать молитву: «...Если еще что и осталось в жизни дорогого и заветного, то вот служба.

Стоишь в церкви, слушаешь древние напевы – и жив»[4, 312].

Для Страхова полное понимание и восприятие молитвы пришло во время путешествия на Афон, Святую Гору, населенную монахами. Философ отмечает, что именно там живет «дух нашего православного благочестия. Там – одно из чистейших воплощений того животворного начала, которое составляет истинную душу русского народа. Афон есть поприще и училище святости, а святой человек есть высший идеал русских людей»[5, 4]. Проведя на Афоне более двух недель, Страхов не мог не отметить абсолютно позитивное отношение монахов к жизни. Их лица сияли душевной радостью, торопящиеся голоса были чисты, ласковы и свободны, в каждом предмете находили они веселую сторону: «В продолжение двух недель я не слышал ни единого крика, ни единого сердитого слова; эта удивительная тишина, прямое отражение душевного мира, поразила меня в первый день, а потом пленяла все больше и больше»[5, 7].

Мыслитель полагает, что причины «светлого» поведения таятся во многом: считается грехом быть подверженным чувству уныния и тоски, вежливость монаха имеет глубокую и твердую основу – искреннее смирение («Промаях в обращении с людьми скорее сделает мирской человек, никогда не бывавший свободным от гордости житейской»[5, 5]), а, главное, они считают жизнь по самому её существу блаженной

жизнью, исполненной лучших радостей, доступных человеку на земле. Главной радостью для монаха, открывающей способность жизни играть и переливаться самыми яркими и радужными красками, является молитва. Обычному человеку сложно воспринять молитву такой, какой полагают её монахи. Причина проста: так трудно быть человеку свободным душой, так трудно, даже на короткий срок, пожить чем-нибудь другим, помимо личных интересов, мелких забот, из которых и складывается целая жизнь. Молитва «сладка для тех, кто сердечно расположен молиться; но мы так мало чувствуем в себе этого расположения, мы с таким трудом возбуждаем в себе на недолгие минуты некоторую тень этого расположения, что всякое молебствие очень скоро вызывает в нас несносную борьбу и скуку, и для многих бывает истинным мучением»[5, 14]. Однако, придя в церковь, оставив мирские заботы за дверью и впитывая каждой клеточкой своего «Я» тепло и свет, который дарит нам сей храм, начинаешь хотя бы в малейшей степени воспринимать молитву так, как монахи на Афоне: «Молитва есть обращение к Богу, и, если только мы действительно обращаемся к Богу, она приводит нашу душу в одно из высших и отраднейших состояний»[5, 13]. Если просыпается в сердце русского жажда молитвы, просыпается вместе с нею и вера в духовное возрождение всей русской нации.

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

2. Меньшиков М.О. Выше свободы. – М.: Современный писатель, 1998.

3. Страхов Н.Н. Пример апатин. – Время. – №1. – 1861.

4. Страхов Н.Н. Воспоминание о поездке на Афон // Русское самосознание. – Вып. №7.

5. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. – СПб., 1890/

6. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: Алир: ГУП Облиздат, 1999.

И.И. Катанасев

Чита

Образование как социальный институт (антропологический анализ)

The article deals with the analyses of education that is observed as one of the most important institute in modern society. The author uses the anthropological approaches in sociology that is usually indifferent to the problem of modern institution. The exceptional attention is paid to B. Malinowski's and C. Levi-Strauss' theories.

Беглый взгляд на уже проделанный анализ образования как социального института у ряда исследователей показывает постоянство в используемых фамилиях и привлекаемых теориях. Так, если мы возьмем для примера учебник по

социологии образования Г.Е. Зборовского и Е.А. Шуклина (1), то авторы привлекли концепции таких ученых, как Э.Дюркгейм, П.Сорокин, М.Шелер, К.Майнхейм, П.Бергман, Т.Лукман. Нет сомнения в том, что указанные исследова-